

Лев Николаевич

Толстой

К политическим деятелям

(1903 г.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1950

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронной копии 35-го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 35-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

Л. Н. ТОЛСТОЙ в 1903 г.

К ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЯМ

The most fatal error that ever happened in the world was the separation of political and ethical science.

Shelly.

Самая губительная ошибка, которая когда-либо сделана в мире, было отделение политической науки от нравственной.

Шелли.

В обращении моем к рабочему народу я высказал мысль о том, что для того, чтобы рабочим избавиться от своего угнетения, им нужно самим перестать жить так, как они живут теперь, борясь с ближними для своего личного блага, а жить по евангельскому правилу – «поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобою».

Это предлагаемое мною средство вызвало, как я и ожидал, одно и то же суждение, или скорее осуждение от людей самых противоположных направлений.

«Утопия, непрактично. Дождаться для избавления людей, страдающих от

угнетения и насилия, чтобы они все сделались добродетельными, значит, признавая существующее зло, обрекать себя на бездействие».

И вот мне захотелось сказать еще несколько слов о том, почему я считаю, что мысль эта не так непрактична, как это кажется, а, напротив, заслуживает того, чтобы на нее было обращено более внимания, чем на все другие предлагаемые учеными людьми средства для улучшения общественного устройства, сказать это тем людям, которые искренно, не на словах, а на деле желают служить ближнему.

К этим-то людям я и обращаюсь теперь.

I

Руководящие деятельностью людей идеалы общественной жизни изменяются, и с изменением их изменяется и склад жизни людей. Было время, когда идеалом общественной жизни была полная животная свобода, при которой по мере своей силы одни люди в прямом и переносном смысле пожирали других. Потом наступило время, когда общественным идеалом стало могущество одного, и люди обоготворяли властителей и не только охотно, но восторженно покорялись им – Египет, Рим. «Morituri te salutant»[1]. Потом признан был людьми идеал такого устройства жизни, при котором власть признавалась уже не сама для себя, а для упорядочения жизни людей. Попытками осуществления такого идеала были одно время всемирная монархия, потом всемирная церковь, соединяющая различные государства и руководящая ими, потом выступил идеал представительства, потом республики со всеобщей или без всеобщей подачи голосов. Теперь считают, что идеал этот может быть осуществлен посредством такого экономического устройства, при котором все орудия труда перестанут быть частною собственностью, а будут достоянием всего народа.

Как ни различны все эти идеалы, для проведения их в жизнь всегда предполагалась власть, т. е. принудительная сила, заставляющая людей исполнять установленные законы. То же предполагается и теперь.

Предполагается, что осуществление наибольшего блага всех достигается тем, что одни люди (по китайскому учению самые добродетельные, по европейскому учению помазанники или избранники народа), получив власть, устанавливают и поддерживают такие порядки, при которых достигается наибольшая возможная обеспеченность граждан от взаимных посягательств на труд, свободу и жизнь друг друга. Не только люди, признающие государственное устройство необходимым условием жизни человеческой, но и революционеры и социалисты, хотя считающие существующее государственное устройство подлежащим изменению, признают все-таки власть, т. е. право и возможность одних людей принуждать других исполнять установленные законы, необходимым условием благоустройства общества.

Так это велось с давних времен, ведется и до сих пор. Но люди, принужденные силою подчиняться известным порядкам, не всегда считали эти порядки наилучшими и потому часто возмущались против властвующих, свергали их и устанавливали на место прежних свои новые порядки, которые, по их мнению, обеспечивали большее благо людей. Но так как люди, обладавшие властью, всегда развращались этим обладанием и потому пользовались властью не столько для блага общего, сколько для своего личного, то всегда новая власть была такая же, как и прежняя, и часто еще более несправедливая.

Так это было, когда восстававшие против существующей власти одолевали ее. Когда же победа оставалась на стороне существующей, то восторжествовавшая власть для ограждения себя всегда усиливала средства своей обороны и становилась еще более стесняющей свободу своих граждан.

Так это было всегда и в древности, и в новое время, и так это с особенной поучительностью происходило в нашем европейском мире в продолжение всего XIX столетия. В первой половине этого века революции были большей частью успешны, но новые власти, заменявшие старые: Наполеон I, Карл X, Наполеон III, не увеличили свободу граждан. Во второй же половине, после 1848 года, все попытки революции подавлялись правительствами, но вследствие прежних революций и попыток новых правительства, обороняя себя всё более и более, благодаря техническим изобретениям прошлого столетия, давшим людям не существовавшую прежде власть людей над природою и друг над другом, усиливали свою власть и довели ее к концу прошлого века до такой степени, что борьба с ними народа стала невозможною. Правительства захватили в свои руки не только огромные богатства, собираемые ими с народа, не только дисциплинированное, искусно набираемое войско, но и все духовные средства воздействия на массы: руководство прессой, религиозным направлением и, главное, воспитанием. И средства эти так организованы и так могущественны, что с 1848 года не было уже в Европе ни одной успешной попытки революции.

II

Явление это совершенно новое и свойственное только нашему времени. Как ни могущественны были Нерон, Чингисхан, Карл Великий, они не могли подавлять восстание на краях их владений, а тем более не могли руководить духовной деятельностью своих подданных: их образованием, воспитанием, религиозным направлением. Теперь же все средства для этого в руках правительств.

Не один парижский макадам, заменивший булыжник мостовых, сделал невозможными баррикады во время революций в Париже, такие макадамы в продолжение последней половины 19-го столетия проявились во всех отраслях государственного управления. Тайная полиция, шпионство,

подкупы прессы, железные дороги, телеграфы, телефоны, фотографии, тюрьмы, крепости, огромные богатства, воспитание молодых поколений и, главное, войско в руках правительств.

И всё так организовано, что самые бездарные, глупые правители почти рефлективно, из чувства самосохранения, никогда не допустят серьезных подготовлений к восстанию и всегда без всякого усилия подавят те слабые попытки открытого восстания, которые изредка еще делают отсталые от времени революционеры, только усиливая этими попытками власть правительств.

Единственное средство теперь одоления правительства представляется в том, что войско, составленное из людей народа, поняв несправедливость, жестокость и вред для себя правительства, перестанет поддерживать его. Но и в этом отношении правительства, понимая, что главная сила их в войске, так организовали его комплектование и дисциплину, что никакая пропаганда в народе не может вырвать войско из рук правительства. Ни один человек, находящийся в войске и подвергшийся той гипнотизирующей муштровке, которая называется дисциплиной, несмотря ни на какие политические убеждения, находясь в строю, не может не повиноваться команде, так же, как не может не мигнуть глаз, на который направят удар. Двадцати же летние мальчики, которые набираются на службу и воспитаны в ложном, церковном или материалистическом и притом патриотическом духе, не могут отказаться от службы, как не могут не повиноваться дети, когда их посылают в школу. Поступив же на службу, эти юноши, каких бы они ни были убеждений, благодаря веками выработанной искусной дисциплине, в один год переделываются неизбежно в покорные орудия власти. Если и встречаются редкие случаи – один на десять тысяч, отказов от военной службы, то это делают только так называемые сектанты, поступающие так из религиозных, не признаваемых правительствами, убеждений. Так что в наше время в европейском мире, если только правительство желает удержать свою власть (а оно не может не желать этого, потому что уничтожение власти влечет за собой гибель правителей), никакое серьезное восстание не может организоваться, а если и организуется что-нибудь подобное, то оно всегда будет подавлено и не будет иметь никаких других последствий, кроме гибели многих легкомысленных людей и усиления власти правительства. Этого могут не видеть революционеры, социалисты, руководимые отсталыми преданиями и увлеченные борьбой, ставшей для некоторых определенной профессией, но не могут не видеть все люди, свободно смотрящие на исторические события.

Явление это совершенно новое, и потому и деятельность людей, желающих изменить существующий строй, должна сообразоваться с этим новым в европейском мире положением существующей власти.

Шедшая в продолжение долгих веков борьба между властью и народом сначала приводила к замене одной власти другою и этой другою еще третьею и т. д. С половины же прошлого века в нашем европейском мире власть существующих правительств, благодаря техническим усовершенствованиям нашего времени, обставилась такой защитой, что борьба с нею силой стала невозможною. И по мере того, как власть достигала всё большей и большей степени силы, она всё более и более обнаруживала свою несостоятельность: всё более и более становилось очевидным внутреннее противоречие, заключающееся в понятии благодетельной власти, и насилия, составляющего сущность всякой власти; становилось очевидным, что власть, для того, чтобы быть благодетельной, долженствующая быть в руках самых лучших людей, находилась всегда в руках худших людей, так как лучшие люди по самому свойству власти, состоящему в употреблении насилия над ближним, не могли желать власти и потому никогда не приобретали и не удерживали ее.

Противоречие это так очевидно, что, казалось бы, все люди всегда должны были видеть его. А между тем торжественная обстановка власти, страх, возбуждаемый ею, и инерция предания были так могущественны, что прошли века, тысячелетия, прежде чем люди поняли свое заблуждение. Только в последнее время стали люди понимать, несмотря на всю ту торжественность, которой всегда облакает себя власть, что сущность ее состоит в том, чтобы угрожать людям лишением собственности, свободы, жизни, и приводить эти угрозы в исполнение, и что поэтому люди, которые, как короли, императоры, министры, судьи и другие, посвящают свою жизнь этим делам без всякого другого повода, кроме желанья удержать свое выгодное положение, не только не бывают лучшими, но всегда худшими людьми, а будучи таковыми, не могут своею властью содействовать благу людей, а, напротив, всегда составляли и составляют одну из главных причин общественных бедствий человечества. И потому власть, прежде вызывавшая в народе восторг и преданность, теперь в большей и лучшей части людей вызывает не только равнодушие, но часто презрение и ненависть. Эта более просвещенная часть людей понимает теперь, что вся та торжественная обстановка, которую окружает себя власть, есть ничто иное, как красная рубашка и плисовые штаны палача, выделяющие его от других острожников за то, что он берет на себя самое безнравственное и отвратительное дело: казнить людей.

Сознавая же такое, всё более и более распространяющееся в народе, отношение к себе, власть в наше время уже не опирается на духовные начала: помазанничество, избрание народа или святых людей, а держится одним насилием. Держась же на одном насилии, власть вследствие этого еще более теряет доверие народа. Теряя же доверие, она вынуждена прибегать к всё большему и большему захвату всех проявлений народной жизни и вследствие этого захвата вызывает еще большее недовольство собою.

Власть стала несокрушима и держится уже не духовными разумными основами помазания, избрания, представительства, а держится одной силою. И вместе с этим народ перестает верить во власть и уважать ее и покоряется ей только потому, что нельзя иначе.

И вот с половины прошедшего столетия, с того самого времени, как власть в одно и то же время стала несокрушима и потеряла свое оправдание и свой престиж в народе, начинает среди людей проявляться учение о том, что свобода – не та фантастическая свобода, которую проповедуют сторонники насилия, утверждая, что человек, под страхом наказания обязанный исполнять распоряжения других людей, свободен, а та единая и истинная свобода, которая состоит в том, что каждый человек может жить и поступать по собственному рассуждению, платить или не платить подати, идти или не идти на службу, дружить или враждовать с соседним народом, что такая настоящая свобода несовместима с какою-либо властью одних людей над другими.

По учению этому власть не есть, как это думали прежде, нечто божественное и величественное, не есть также необходимое условие общественной жизни, а есть только последствие грубого насилия одних людей над другими. Будет ли власть в руках Людовика XVI или комитета общественного спасения, директории или консульства, Наполеона или Людовика XVIII, султана, президента, богдыхана или первого министра, везде, где будет власть одних людей над другими, не будет свободы, а будет угнетение одних людей другими. И потому власть должна быть уничтожена.

Но как уничтожить ее? И как, уничтожив власть, устроить так, чтобы без власти люди не вернулись к дикому состоянию грубого насилия друг над другом?

Все анархисты, как называются проповедники этого учения, совершенно согласно между собой отвечают на первый вопрос тем, что власть, для того, чтобы быть действительно уничтожена, должна быть уничтожена не силою, а сознанием людей бесполезности и вреда власти. На второй же вопрос: как должно быть устроено общество без власти? анархисты отвечают различно.

Англичанин Годвин, живший в конце XVIII и начале XIX века, и француз Прудон, писавший в половине прошлого века, на первый вопрос отвечают тем, что для уничтожения власти достаточно сознание людей о том, что общее благо (Годвин) и справедливость (Прудон) нарушаются властью, и что если распространить в народе убеждение о том, что общее благо и справедливость могут быть осуществлены только при отсутствии власти, то власть сама собою уничтожится.

На второй же вопрос: каким образом обеспечится без власти благоустройство общества, и Годвин и Прудон отвечают тем, что люди, руководимые сознанием – общего блага – по Годвину и справедливостью – по Прудону, естественно найдут наиболее разумные, справедливые и выгодные для всех формы жизни.

Другие же анархисты, как Бакунин и Кропоткин, хотя и признают также средством уничтожения власти сознание масс в вине ее и в несоответствии ее с прогрессом человечества, считают однако возможной и даже нужной революцию, к которой советуют подготавливать людей. На второй же вопрос отвечают тем, что как скоро будет уничтожено государственное устройство и собственность, то люди естественно сложатся в разумные, свободные и выгодные для всех условия жизни.

Почти так же, как и другие, отвечают на вопрос об средствах уничтожения власти немец Макс Штирнер и американский писатель Тёккер. Оба они полагают, что если бы люди понимали, что личный интерес каждого человека служит совершенно достаточным и законным руководителем поступков людей и что власть только препятствует проявлению в должной мере этого руководящего начала жизни людей, то власть сама собою уничтожилась бы и вследствие неповиновения, и, главное, как говорит Тёккер, вследствие неучастия в ней. Ответ же их на второй вопрос состоит в том, что люди, освобожденные от суеверия и необходимости власти, следуя только личному интересу, сами собою сложатся в наиболее правильные и выгодные для каждого общественные формы жизни.

Все эти учения совершенно правы в том, что если власть должна быть уничтожена, то совершиться это может никак не силою, так как власть, уничтожившая власть, останется властью, но совершиться это может только уяснением сознания людей о том, что власть бесполезна и вредна и люди не должны ни повиноваться ей, ни участвовать в ней. Истина эта неопровержима: власть может быть уничтожена только разумным сознанием людей. Но в чем должно состоять это сознание? Анархисты и полагают, что это сознание может быть основано на соображениях об общем благе, справедливости, прогрессе или личном интересе людей. Но, не говоря уже о том, что все эти основы несогласны между собой, самые определения того, в чем состоит общее благо, справедливость, прогресс или личный интерес, понимаются людьми бесконечно разнообразно. Поэтому невозможно предполагать, чтобы люди, несогласные между собой и различно понимающие те основы, во имя которых они противятся власти, могли бы уничтожить столь твердо установленную и искусно защищающую себя власть. Предположение же о том, что соображения об общем благе, справедливости или законе прогресса могут быть достаточны для того, чтобы люди, освободившиеся от власти, но не имеющие никакой причины для того, чтобы жертвовать своим личным благом благу общему, сложились бы в справедливые, не нарушающие взаимную свободу условия, еще более неосновательно. Теория же утилитарно-эгоистическая Макса Штирнера и Тёккера, утверждающих, что следование каждым своему личному интересу установит справедливые отношения между всеми, не только произвольно, но и совершенно противоположно тому, что происходило и происходит в действительности.

Так что, справедливо признавая единственным средством уничтожения власти духовное орудие, учение анархизма, держась нерелигиозного материалистического мировоззрения, не имеет этого духовного орудия и ограничивается предположениями и мечтаниями, дающими возможность защитникам насилия, благодаря неверности предлагаемых средств

осуществления учения, отрицать истинные основы его.

Духовное же орудие это есть только одно, давно известное людям, всегда уничтожавшее власть и всегда дававшее людям, пользующимся этим орудием, полную, ничем неотъемлемую свободу. Орудие это есть только одно: такое религиозное понимание жизни, при котором человек считает свою земную жизнь только частичным проявлением всей жизни, связывает свою жизнь с бесконечной жизнью и, признавая свое высшее благо в исполнении законов этой бесконечной жизни, считает для себя исполнение этих законов более обязательным, чем исполнение каких бы то ни было человеческих законов.

Только такое религиозное мировоззрение, соединяя всех людей в одинаковом понимании жизни, несовместимом с подчинением власти и участием в ней, действительно уничтожает власть.

И только такое мировоззрение даст возможность людям и без участия власти сложиться в разумные и справедливые формы жизни.

И удивительное дело, что только после того, как люди были приведены самую жизнь к убеждению о том, что существующая власть несокрушима и в наше время не может быть разрушена силою, они поняли ту, до смешного очевидную истину, что власть и всё зло, производимое ею, суть только последствия дурной жизни людей и что поэтому для уничтожения власти и зла, производимого ею, нужна добрая жизнь людей.

Люди начинают понимать это; теперь же им предстоит понять еще и то, что для доброй жизни людей есть только одно средство: исповедание и исполнение религиозного учения, свойственного и понятного большинству людей.

Только посредством исповедания и исполнения людьми такого религиозного учения люди могут достигнуть того идеала, который возник теперь в их сознании и к которому они стремятся. Всякие же другие попытки уничтожения власти и устройства без власти доброй жизни людей есть только напрасная трата сил и не приближает, а только удаляет людей от той цели, к которой они стремятся

[2] .

V

Вот это я и хотел сказать вам, искренним людям, которые, не довольствуясь эгоистической жизнью, желают отдать свои силы на

служению братьям. Если вы принимаете участие или хотите принимать участие в государственной деятельности и этим путем служить народу, то подумайте о том, что такое всякое правительство, держащееся властью? Поставив же себе этот вопрос, вы не можете не видеть, что нет ни одного правительства, которое не совершало бы, не готовилось бы совершать, не опиралось бы на насилия, грабительство, убийства.

Мало известный американский писатель Торо в своем трактате о том, почему человек обязан не повиноваться правительству, рассказывает, как он отказался заплатить американскому правительству 1 доллар подати, объясняя свой отказ тем, что не хочет своим долларом участвовать в делах правительства, разрешающего рабство негров. Разве не то же самое может и должен чувствовать по отношению своего правительства не говорю уже русский человек, но гражданин самого передового государства Америки с ее поступками на Кубе, Филиппинах, отношением к неграм, изгнанием китайцев, или Англии с ее опиумом и бурами, или Франции с ее ужасами милитаризма?

И потому искренний человек, желающий служить людям, если только он серьезно дал себе отчет в том, что такое всякое правительство, не может участвовать в нем иначе, как только на основании правила, что цель оправдывает средства.

Но такая деятельность всегда была вредна как тем, для кого она предпринималась, так и тем, кто отдавался ей.

Ведь дело очень просто. Вы хотите, подчиняясь правительству, пользуясь его законами, отвоевать у него большую свободу и права народу. Но свобода и права народа в обратном отношении с властью правительства, вообще правящих классов. Чем больше будет свободы и прав у народа, тем меньше будет власти и выгоды от нее у правительств. Правительства знают это и, имея в руках власть, охотно допускают всякого рода либеральную болтовню и даже некоторые ничтожные либеральные меры, оправдывающие его власть, и тотчас же силою прекращают такие либеральные поползновения, которые угрожают не только выгодам правителей, но самому их существованию. Так что все ваши усилия через власть администрации или через парламенты служить народу приведут вас только к тому, что вы своей деятельностью усилите власть правящих классов и будете, смотря по степени вашей искренности, бессознательно или сознательно участвовать в ней. Так это для людей, желающих служить народу посредством существующих государственных учреждений.

Если же вы принадлежите к искренним людям, желающим служить народу революционно-социалистической деятельностью, то, не говоря уже о той ничтожной цели материального, никогда никого не удовлетворяющего благосостояния людей, к которой вы стремитесь, подумайте и о тех средствах, которые вы имеете для достижения ее. Средства эти, во 1-х, безнравственны, включая в себе ложь, обман, насилие, убийства; во 2-х, и главное, средства эти ни в каком случае не достигают цели. Сила и осторожность правительств, защищающих свое существование, так велики в наше время, что никакие хитрости, обманы и жестокости не только не свергнут, но не пошатнут их. Все попытки революций теперь только дают новые оправдания насилию правительств и увеличивают их

могущество.

Но если и допустить невозможное, что революция в наше время увенчалась бы успехом, то, во 1-х, почему думать, что противно тому, что постоянно совершалось, власть, разрушившая власть, увеличила бы свободу людей и стала бы более благодетельной, чем та, которую она разрушила? Во 2-х, если бы было возможно противное здравому смыслу и опыту предположение, что власть, уничтожившая власть, дала бы свободу людям установить какие они считают наиболее полезные для себя условия жизни, то нет никакого основания думать, чтобы люди, живущие эгоистической жизнью, установили между собой условия лучшие, чем прежние.

Пускай королева дагомейцев издаст самую либеральную конституцию и даже осуществит своею властью то, по мнению социалистов, спасающее людей от всех их бедствий, обобществление орудий труда, необходимо будет королеве и ее министрам и военачальникам иметь власть для того, чтобы исполнялась конституция и орудия труда не были бы захвачены в частные руки. А как скоро люди эти будут дагомейцы с их мировоззрением, то очевидно, что, хотя и в другой форме, но насилие одних дагомейцев над другими будет такое же, как и без конституции и без обобществления орудий труда. Прежде, чем осуществить социалистическое устройство, надо, чтобы дагомейцы потеряли вкус к кровавым жертвам. Точно то же нужно и для европейцев.

Для того, чтобы люди могли жить общею жизнью, не угнетая одни других, нужны не учреждения, поддерживаемые силою, а такое нравственное состояние людей, при котором люди по внутреннему убеждению, а не по принуждению, поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними. И такие люди есть. Они есть в религиозных христианских общинах людей в Америке, в России, в Канаде. Такие люди действительно, живя без законов, поддерживаемых силою, живут общею жизнью, не угнетая друг друга.

И потому разумная и свойственная нашему времени деятельность для людей нашего христианского общества есть только одна: исповедание и проповедание словом и делом последнего и высшего известного нам религиозного учения – учения христианского, не того христианского учения, которое, подчиняясь существующему строю жизни, требует от людей только исполнения внешних обрядов или довольствуется верой и проповедью в спасение искуплением, а того жизненного христианства, неизбежным условием которого есть не только неучастие в делах правительства, но неповиновение его требованиям, так как эти требования, от податей и таможен до судов и войска, все противны этому истинному христианству.

А если это так, то очевидно, что не на установление новых форм должна быть направлена деятельность людей, желающих служить ближнему, а на изменение и совершенствование свойств как своих, так и других людей.

Люди, поступающие противно этому, обыкновенно думают, что одновременно могут совершенствоваться и формы жизни, и свойства, и мировоззрение людей. Но, думая так, люди делают обычную ошибку,

принимая следствия за причину, а причины за следствие или сопутствующее явление.

Изменение свойств и мировоззрений людей неизбежно влечет за собой изменение тех форм, в которых жили люди; изменение же форм жизни не только не содействует изменению свойств и мировоззрений людей, но более всего препятствует этому изменению, направляя на ложный путь внимание и деятельность людей. Изменять формы жизни, надеясь этим средством изменить свойства и мировоззрения людей, всё равно, что перекладывать на разные манеры сырые дрова в печи, рассчитывая на то, что есть такое расположение сырых дров, при котором они загорятся. Загорятся только сухие дрова независимо от того, как они сложены.

Заблуждение это так очевидно, что люди не могли бы поддаваться ему, если бы не было располагающей их к этому обману причины. Причина эта в том, что изменение свойств людей должно начинаться с самого себя и требует много борьбы и труда, изменение же форм жизни других делается легко, без внутренней работы над самим собой и имеет вид очень важной, значительной деятельности.

Вот против этого—то заблуждения, источника величайшего зла, я и предостерегаю вас, людей, искренно желающих своею жизнью служить ближнему.

VI

«Но мы не можем спокойно жить, занимаясь исповеданием и проповеданием христианства, когда видим вокруг нас страдающих людей. Мы хотим деятельно служить им. Мы готовы отдать свои труды, даже свою жизнь для этого», говорят люди с более или менее искренним негодованием.

Но кто же сказал вам, ответил бы я этим людям, что вы призваны служить людям именно тем способом, который кажется вам самым полезным и действительным? Ведь то, что вы говорите, показывает только, что вами уже решено, что служить человечеству нельзя христианскою жизнью, а что настоящее служение есть только то служение политической деятельностью, которое привлекает вас.

Но ведь все политические деятели так же думали и все они враждебны между собою и потому уже наверно не все правы. Очень хорошо бы было, если бы каждый мог служить людям, как ему нравится, но ведь этого нет, а существует только одно средство служить людям и улучшать их положение. И единственное средство это состоит в исповедании и исполнении такого учения, из которого вытекает внутренняя работа совершенствования самого себя. Самосовершенствование же истинного христианина, всегда естественно живущего среди людей и не удаляющегося от них, состоит в установлении лучших, более и более

любовных отношений между собой и другими людьми. Установление же любовных отношений между людьми не может не улучшать общего положения людей, хотя и форма этого улучшения остается неизвестной человеку.

Правда, что, служа правительственной деятельностью, парламентской или революционной, мы вперед определяем те результаты, которых хотим достигнуть, и при этом можем пользоваться всеми преимуществами приятной, роскошной жизни и приобрести блестящее положение, одобрение людей и великую славу. Если же и приходится иногда пострадать участвующим в такой деятельности, то это такая возможность страданий, которая, как и во всякой борьбе, выкупается возможностью успеха. В военной деятельности еще более возможны страдания и даже смерть, а между тем только самые мало нравственные и эгоистические люди избирают ее.

Религиозная же деятельность, во 1-х, не показывает нам тех результатов, которых она достигает, во 2-х, деятельность эта требует отречения от внешнего успеха и не только не доставляет блестящего положения и славы, но приводит людей к самому низкому в общественном смысле положению, подвергает их не только презрению и осуждению, но самым жестоким страданиям и смерти.

Так в наше время общей воинской повинности религиозная деятельность заставляет каждого человека, призываемого к служению убийству, понести все те наказания, которыми за отказ от службы наказывает правительство. И потому религиозная деятельность трудна, но зато она одна дает человеку сознание истинной свободы, уверенность в том, что он делает то, что должен делать.

И от этого деятельность эта одна истинно плодотворна, достигая, кроме своих высших целей, еще и попутно самым естественным и простым способом тех результатов, к которым такими искусственными путями стремятся общественные деятели.

Так что средство служения людям есть только одно единственное, состоящее в том, чтобы самому жить хорошо жизнью. И средство это не только не мечтательно, как думают те, которым оно не выгодно, но мечтательны все другие средства, которыми руководители масс увлекают их на ложный путь, сбивая их с единственного истинного.

VII

«Но если это и так, то когда же это будет?» говорят люди, желающие как можно скорее увидеть осуществление этого идеала.

Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы можно было сделать это очень скоро, сейчас же.

Было бы очень хорошо, если бы можно было скоро, сейчас возрастить лес. Но этого нельзя сделать, надо ждать, пока семена дадут ростки, потом листки, потом стебли и потом вырастут в деревья.

Можно натывать ветки, и на короткое время это будет похоже на лес, но это будет только подобие. То же самое и с скорым благоустройством общества людей. Можно устроить подобие благоустройства, как и делают это правительства, но подобию эти только отдалают возможность настоящего благоустройства. Они отдалают эту возможность, во 1-х, тем, что обманывают людей, показывая им видимость благоустройства там, где его нет, во 2-х, тем, что эти подобию благоустройства достигаются только властью, а власть развращает людей, как властвующих, так и подвластных, и потому делает менее возможным истинное благоустройство.

И потому попытки скорого осуществления идеала не только не содействуют, но более всего препятствуют его действительному осуществлению.

Так что решение вопроса о том, скоро или не скоро осуществится идеал человеческого без насилия благоустроенного общества зависит от того, скоро ли поймут искренно желающие добра народу руководители масс, что ничто столько не отдалает людей от осуществления их идеала, как то, что они делают теперь: именно поддержание старых суеверий или отрицание всякой религии и направление деятельности народа на служение правительству, революции, социализму, террору.

Только бы поняли люди, искренно желающие служить ближнему, всю тщету предлагаемых государственниками и революционерами средств устроения блага людей, поняли бы, что одно единственное средство избавления людей от их страданий в том, чтобы люди сами перестали жить эгоистичной, языческой жизнью, а начали жить жизнью общечеловеческой, христианской и не признавали, как теперь, возможным и законным пользоваться насилием над ближними и участвовать в нем для достижения своих личных целей, а, напротив, следовали бы в жизни основному и высшему религиозному закону поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобой, и очень быстро разрушились бы те неразумные и жестокие формы жизни, в которых мы живем теперь, и сложились бы новые, свойственные новому сознанию людей.

Только подумать о том, какие огромные и прекрасные духовные силы тратятся теперь на служение отжившему свое время государству и защите его от революции, сколько тратится молодых, горячих сил на попытки революций, на невозможную борьбу с государством, сколько тратится на социалистические неосуществимые мечтания. И всё только затем, чтобы не только отдалить, но сделать невозможным осуществление того блага, к которому стремятся все люди. Что бы было, если бы все люди, так бесплодно и часто с вредом для ближнего тратящие свои силы, направили бы их все на то, что одно дает возможность доброй общественной жизни, – свое внутреннее совершенствование?

Сколько бы раз успели построить из нового, прочного матерьяла новый

дом, если бы все те усилия, которые тратились и тратятся теперь на подпорки старого дома, употреблены были решительно и добросовестно на приготовление нового матерьяла и постройку нового дома, который, хотя очевидно и не мог бы быть в первое время так же роскошен и удобен для некоторых избранных, как был старый, был бы несомненно удобнее для жизни большинства и был бы несомненно прочнее и представлял бы полную возможность усовершенствований, нужных не для одних избранных, но и для всех людей.

Так что всё, что я сказал здесь, сводится к той самой простой, всем понятной и неопровержимой истине, что для того, чтобы была добрая жизнь между людьми, нужно, чтобы люди были добрые.

Средство же воздействия на добрую жизнь людей есть только одно: своя добрая жизнь. А потому и деятельность людей, желающих содействовать установлению доброй жизни людей, может и должна быть только в внутреннем совершенствовании – в исполнении того, что выражено в Евангелии словами: «будьте совершенны, как отец ваш небесный».

Комментарии В. С. Мишина

«К ПОЛИТИЧЕСКИМ ДЕЯТЕЛЯМ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

Статья «К политическим деятелям» была задумана Толстым как послесловие к статье «К рабочему народу». Толстой начал писать это послесловие в конце января или в начале февраля 1903 г. В Дневнике 5 февраля 1903 г. (после месячного промежутка) записано: «Еще начал писать послесловие к Рабочему народу, но не подвигаюсь». [3] 12 февраля записано: «Послесловие всё не годится». [4] 19 февраля Толстой получил брошюру В. А. Поссе «Граф Л. Н. Толстой и рабочий народ» (Женева 1903), написанную по поводу статьи «К рабочему народу» и содержащую в себе опровержение взглядов Толстого. 20 февраля Толстой записал в Дневнике: «Вчера получил статью Поссе об обращении к Рабочему народу. Очень они огорчены. Явно они загипнотизиров[аны], верующие в теорию, не выдерживающую критики». [5] Кроме брошюры Поссе, Толстой получил тогда же статью В. Д. Бонч-Бруевича «Среди сектантов» (в лондонском журнале «Жизнь», 1902, № 6, стр. 250–270), где тоже были возражения на статью Толстого. Толстой писал по этому поводу И. М. Трегубову 19 марта 1903 г.: «Отвечать ни

на статью Поссе, ни на эту, разумеется, не стоит, но иметь в виду их заблуждения очень полезно». [6] Отчасти под впечатлением этих статей Толстой продолжал писать свое «Послесловие». 29 апреля 1903 г. в Дневнике записано: «За это время всё пишу о послесловии. Кажется, хочется думать, что кончил». [7] 13 мая послесловие было послано Черткову, а 29 мая и 1 июня были посланы добавления к нему.

Первоначальные редакции «Послесловия» были очень короткими, но впоследствии текст статьи все увеличивался. Один из первых вариантов статьи, датированный 10 февраля (рукопись № 3), занимает всего 10 рукописных страниц; редакция статьи, датированная 30 апреля, занимает уже более 50 страниц и носит заглавие: «Послесловие к статье «К рабочему народу» и обращение к государственным и революционерам». Заглавие «К политическим деятелям» появилось только в корректуре.

Статья «К политическим деятелям» была напечатана впервые в Англии: Л. Н. Толстой, «К политическим деятелям», издание «Свободного слова», № 85. V. Tchertkoff. Christchurch, Hants, England, 1903». Редакция сделала в этом издании пояснительные примечания к некоторым словам и выражениям.

В настоящем издании статья «К политическим деятелям» печатается по первоначальному английскому изданию с исправлением ошибок по автографам Толстого.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рукописи статьи «К политическим деятелям» хранятся в Рукописном отделе Музея Л. Н. Толстого Академии наук СССР. Общее количество их исчисляется в 614 рукописных единиц.

Все рукописи расположены хронологически под №№ 1–22.

Работа Толстого над статьей и постепенное расширение ее велись частями. Отдельные главы и места статьи перерабатывались по многу раз. Как обычно, наиболее исправленные листы переписывались, остальные же, правка которых была незначительна, переключивались в следующую рукопись.

В переписке принимали участие: М. Л. Оболенская, Н. Л. Оболенский, Ю. И. Игумнова, П. А. Буланже, Т. Л. Сухотина и др.

Рукописи №№ 17 и 19 – машинописные копии; №№ 20 и 22 – корректурные гранки.

На обложках рукописей имеются даты, проставленные рукой переписчиков: № 3 – «февраль 1903»; № 4 – «17 марта»; № 5 – «11 февр. 1903»; № 9 – «От 27 марта по 13 апреля»; № 10 – «От 18 апреля

по 1 мая»; № 16 – «1903»; № 18 – «1903».

Даты Толстого имеются на рукописях: № 3 – «10 февраля»; № 15 – «29 апреля 1903»; № 16 – «30 апреля 1903».

В конце рукописи № 19 – машинописная дата: «9 мая 1903».

Рукопись № 1 – первоначальный автограф статьи. Рукописи №№ 2–15 – последовательные копии, сохранившиеся в листах и отрезках, наиболее исправленных Толстым и затем переписанных. Рукопись № 16 – полный текст статьи с разделением на главы I–VII. Рукопись № 17 – машинописная копия с рукописи № 16. Рукопись № 18 – дополнения и исправления к главе III рукописи № 17. Рукопись № 19 – машинопись части статьи. Рукопись № 20 – корректурные гранки, которые сохранились в двух экземплярах: 1) Чистый оттиск, без исправлений Толстого, с пометкой: «Считку делал Иван Мих. [Трегубов?] с Войц[еховским]». 2) Оттиск с исправлениями Толстого и Ю. И. Игумновой. Кроме того, на нем имеются исправления и пометки В. Г. Черткова, частью вычеркнутые Толстым. На гранке 2, у начала главы II, В. Г. Чертковым написано: «Если вы согласны с заметкой А. М. Х[ирьякова], то весь этот параграф можно было бы выпустить. В. Ч.».

Рукой Толстого эта запись вычеркнута, а под ней помечено: «Совершенно не согласен». Рукопись № 21 – дополнения к рукописи № 20. Рукопись № 22 – корректурные гранки с главой I до середины главы V.

В рукописях №№ 1–19 данная статья именуется как «Послесловие к статье «К рабочему народу». В рукописи № 20 рукой В. Г. Черткова вписано новое заглавие: «Христианская деятельность. Послесловие к Обращению к рабочему народу». А на обороте последней гранки рукой А. К. Чертковой карандашом помечено: «Окончательное заглавие статьи: «К политическим деятелям». Это же заглавие вписано В. Г. Чертковым и в рукопись № 22.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем томе публикуется часть произведений позднего периода творчества Л. Н. Толстого: повесть «Хаджи-Мурат» с ее многочисленными вариантами, над которой он работал с 1896 по 1904 г., и публицистические статьи 1902–1903 гг.: «К рабочему народу», «К политическим деятелям», «Что такое религия и в чем сущность ее?», «О Шекспире и о драме».

В этих произведениях с большой силой сказались и величие и слабость Толстого как художника и мыслителя, в них предельно ярко отразились гениально вскрытые В. И. Лениным противоречия его творчества.

Острейшие противоречия в творчестве Толстого – это отражение тех в высшей степени противоречивых условий, в которые была поставлена

жизнь пореформенной России эпохи подготовки революции 1905 года. «Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как крестьянской буржуазной революции»

[8] , – писал В. И. Ленин.

I

Мировоззрение Толстого отразилось в «Хаджи-Мурате» во всей своей сложности и противоречивости. Сюжет повести находится в полном соответствии с действительными историческими событиями. Но вместе с тем, Толстой освещает эти события с позиций, характерных для него как выразителя идеологии патриархального крестьянства.

Естественность жизни горцев, их цельность, близость к природе, чистоту нравов Толстой резко противопоставляет лжи, лицемерию, цинизму и разврату «цивилизованного» общества.

Своеобразие «Хаджи-Мурата», сравнительно с другими произведениями позднего Толстого, заключается в том, что идея непреклонной борьбы «до последнего» звучит в повести как основной мотив, объективно опровергая проповедь «непротивления злу насилием».

Художественные особенности повести – лаконичность, законченность характеристик, лирическая взволнованность повествования – свидетельствуют о необычайной творческой силе Толстого, обогащенной многолетним писательским опытом. Поэтому художественное воздействие «Хаджи-Мурата» на читателя не уступает по своей силе воздействию других величайших произведений писателя. Горький говорил об этой повести: «Да, когда я читаю Толстого или Чехова, какое огромное спасибо говорю им. И мне кажется, что эти творцы умели выражать всё. Разве можно написать «Хаджи-Мурата» лучше? – Нам кажется – нет. Толстому казалось можно!»

[9]

На содержании и художественной форме повести сказались и новые требования, предъявленные Толстым к искусству и сформулированные незадолго до создания «Хаджи-Мурата» в трактате «Что такое

искусство?». Ценителем искусства должен быть весь народ, и потому по форме оно должно быть доступным и понятным народу. «Краткость, ясность и простота выражения», эти неперенные требования Толстого к подлинному искусству, отразились в совершенстве формы повести, в ее безыскусственной поэзии, гениальной простоте.

Как видно из содержания повести, из ее многочисленных вариантов, и как это показано в статье А. П. Сергеенко «История писания «Хаджи-Мурата», Толстой интересовался борьбой горцев Кавказа на протяжении почти всей своей литературной деятельности. Он тщательно изучал исторические, этнографические и мемуарные источники, относящиеся к Кавказу, и потому сумел дать в своей повести верную до мельчайших деталей картину исторической и бытовой обстановки Кавказа и происходивших там во время царствования Николая I событий.

Однако действительный историзм заключается не только в воссоздании верной картины обстановки исторических событий, но прежде всего в раскрытии их объективно-исторического смысла, т. е. в правильной оценке изображаемых событий и лиц.

Присоединение Кавказа к России было исторически прогрессивным делом, так как ввело территорию Кавказа в сферу европейского рынка и связало отсталые производственные силы Кавказа с развивающейся капиталистической экономикой России. Бесспорно и то, что огромное значение для развития культуры кавказских народов имело установление связей с великой русской культурой. Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку».

[10]

Но это лишь одна сторона вопроса. Вторая заключается в том, что присоединение Кавказа происходило насильственным путем, в процессе колониальных войн царизма. Это вызывало гневный протест Толстого, ярко отраженный в повести «Хаджи-Мурат». Однако движение горцев было использовано религиозными фанатиками-мюридами и Шамилем, опиравшимся на Турцию и Англию, в своих деспотических целях и приобрело поэтому реакционный националистический характер. Мюридизм, разжигая ненависть кавказских племен к русским, вместе с тем стремился увековечить самые отсталые черты феодально-патриархального быта горцев. Администрация Шамиля, наибы – заместники областей – зачастую, особенно в последние годы войны, превращались в новую феодальную знать, начинавшую эксплуатировать бедняцкие массы горцев ничуть не хуже старых феодалов. Известны неоднократные массовые возмущения против наибов.

Толстой в «Хаджи-Мурате» резко осуждал и вождя горцев Шамиля и колонизаторскую политику Николая I.

В одном из вариантов главы о Николае I он писал:

«Гибли сотни тысяч солдат в бессмысленной муштровке на учениях, смотрах, маневрах и на еще более бессмысленных жестоких войнах против людей, отстаивающих свою свободу то в Польше, то в Венгрии, то на Кавказе».

Но, бичуя самодержавный деспотизм Николая I и его сатрапов, обличая в оценке кавказской войны лживость официальной историографии, Толстой в то же время пытается истолковать изображаемые события и поведение своих героев в морально-этическом плане, оценить их с точки зрения «вечных истин» религии, дополнить реакционной проповедью «непротивленства». Всё это не может не нарушить жизненной правды и художественной цельности произведения.

К оценке действующих в повести исторических лиц – Николая I и Воронцова – Толстой подходит также с морально-этической точки зрения, но, постепенно углубляя их характеристики, рисует всё же исторически верные, обличительные портреты, что является безусловной победой реализма Толстого. Таков образ наместника Кавказа Воронцова-старшего; читатель «Хаджи-Мурата» ясно видит, что это тот самый царский сатрап Воронцов, у которого младшим чиновником служил сосланный Пушкин, давший ему бичующе меткую характеристику:

Полу-милорд, полу-купец,

Полу-мудрец, полу-невежда,

Полу-подлец, но есть надежда,

Что будет полным наконец.

Образу Николая I Толстой уделяет особое внимание. Материал о Николае I, собранный и изученный Толстым, значительно больше того, что вошло затем в повесть «Хаджи-Мурат» и в другие произведения Толстого. Очевидно, в «Хаджи-Мурате» Толстой ограничился одной главой о Николае I потому, что не хотел нарушить художественную пропорцию повести, надеясь в дальнейшем написать о нем самостоятельное произведение. Тема о Николае I так и осталась незавершенной в творчестве Толстого. Но если не завершена тема, то художественный образ Николая I в «Хаджи-Мурате» вполне закончен.

Николай I в изображении Толстого – это олицетворение крайнего деспотизма, воплощение тупой и мертвой силы, которая мешает жить людям. Такова общая морально-этическая оценка, с точки зрения которой Толстой и проводит в «Хаджи-Мурате» прямую параллель между Николаем и Шамилем, представляющими, по его мнению, «два полюса властного абсолютизма – азиатского и европейского». В целом ряде эпизодов Толстой дает сопоставление этих двух лиц, сближая их поступки иногда даже в деталях. Для Толстого Шамиль такой же, как

Николай I, бездушный, лицемерный, ослепленный фанатизмом насильник. Не сосредоточивая своего внимания в повести «Хаджи–Мурат» на образе Шамиля, Толстой более развернуто и детально рисует образ Николая I со всеми его отвратительными качествами как самодержца и как человека.

Представителям азиатского и европейского деспотизма в повести противопоставлен Хаджи–Мурат, человек искренний и цельный, ищущий естественной свободы и страстно, «до последнего» отстаивавший ее. Толстой интересовался историей и действительной жизнью Хаджи–Мурата и сделал всё возможное для выяснения деталей его биографии. В бытность свою на Кавказе писатель, повидимому, не встречался с Хаджи–Муратом, но о выходе его к русским знал. Сочувствуя уже тогда борьбе горцев, Толстой дал оценку этому событию в письме от 23 декабря 1851 г. к брату Сергею Николаевичу: «Второе лицо после Шамиля, некто Хаджи–Мурат, на днях предался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость».

[11] Но в повести, написанной более чем через полвека, Толстой отказался от своей прежней оценки поступка Хаджи–Мурата и дал этот образ опять–таки в морально–этическом, но не социально–политическом, плане.

Таким образом, историзм Толстого в «Хаджи–Мурате» имеет как сильные, так и слабые стороны, обусловленные противоречивостью Толстого–художника, мыслителя, проповедника.

II

В статьях, публикуемых в 35 томе, отразились почти все стороны учения Толстого. Он выступает, по определению Ленина, «как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства». [12]

«Толстовские идеи, это – зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, – писал В. И. Ленин в 1908 г., – отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка».

[13]

Толстой отражает настроение патриархального крестьянства «так верно, – подчеркивал Ленин, – что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние – вот что слилось в учении Толстого».

[14]

Отчуждение от политики, от борьбы и обращение к богу свойственно тем социальным слоям, которые отчаялись найти реальный выход из бедственного положения. А русское патриархальное крестьянство после реформы 1861 г. являлось именно таким социальным слоем. Весь опыт человеческой истории показал, что крестьянство, вследствие того, что оно было связано с отсталым способом производства, из-за своей раздробленности, неорганизованности, политической несознательности не могло само, своими силами добиться освобождения. Будучи беспомощным в деле своего освобождения, крестьянство не могло иметь сколько-нибудь цельного и тем более последовательного революционного мировоззрения. Временами стихийно возмущавшиеся крестьянские массы России искали выхода из своего бесправного и угнетенного состояния и не могли найти его.

Толстой сочувствовал бедственному положению крестьянства, но вместо действительных средств его освобождения: борьбы, революции – проповедовал самоусовершенствование и «непротивление злу насилием» и тем самым обнаружил, по словам Ленина, «в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[15]

В статье «К рабочему народу», написанной в 1902 г., ярко проявились черты реакционной проповеди Толстого. В этой статье Толстой вскрывает враждебный народу эксплуататорский характер царского самодержавия и одновременно пророчит провал всякой попытки с помощью революционного насилия положить конец этой власти. Из того исторического факта, что крестьянские бунты никогда не приводили к освобождению трудящихся от эксплуатации, Толстой сделал реакционный

вывод, будто никогда никакой «бунт» или революция (что для него равнозначно) не приведет к освобождению. Толстой не видел, не понимал качественного отличия рабочего класса от крестьянства. Для него рабочие, занятые на фабриках и заводах, – это те же крестьяне, только испорченные и развращенные тем, что искусственно вырваны из естественной и якобы единственно полезной и нужной для всякого человека деревенской жизни и втиснуты во вредные людям условия городской цивилизации.

Толстой страстно обличал капитализм, но считал, что спасение человечества состоит в возвращении от городской «порочной» цивилизации к земледельческому труду.

Мешает этому возвращению, по его мнению, то, что земля, которой хватит «на всех», в огромном количестве составляет частную собственность людей, не только на земле не работающих, но при помощи ее угнетающих других. Эта система охраняется всеми силами государства, а в особенности его главной силой – войском. Нужно поэтому только одно, – говорит Толстой, – изыскать средства вернуть землю народу. Лучшим проектом возвращения земли он считает проект Генри Джорджа, которого Ленин назвал «буржуазным национализатором земли». Согласно этому проекту должно быть точно определено количество земли, нужное отдельному человеку для собственного прокормления. Вся земля сверх этой нормы облагается единым поземельным налогом в таком размере, который сделал бы для владельцев просто невыгодным владеть лишней землей. Это вызовет естественное перераспределение земли и, как следствие – переустройство всего общества. Государство, которое всегда стояло за неработающих, будет, конечно, мешать этому, но если рабочие откажутся служить в войске, то государство сделается бессильно, и таким образом «всё образуется».

Не менее реакционна и беспомощная попытка Толстого критиковать социализм, которого он не знал, не понимал и не мог понять, так как являлся выразителем настроений большинства того крестьянства, которое не видело еще, какие общественные силы способны принести избавление трудящимся массам.

Бичуя буржуазно-помещичье государство и его аппарат насилия – войско, ясно видя уродливость буржуазной цивилизации и предлагая утопические проекты спасения от ее «язв», Толстой выражал настроения русского крестьянина, который с ужасом видел, как почва ускользает из-под его ног, как задыхается он от безземелья и малоземелья, как отнимается его земля, а сам он превращается в сельского пролетария. Всё это, в представлении патриархального крестьянина, шло из города и от города.

Требование земли было всеобщим требованием русского крестьянства накануне первой революции. Эти настроения русского крестьянства и его мечту о земле и выразил Толстой в статье «К рабочему народу».

Вопрос о земле был одним из тех великих вопросов, которые писатель поставил, но разрешить оказался не в состоянии.

Вопрос о земле был правильно поставлен и действительно разрешен лишь партией большевиков. Русское трудящееся крестьянство пошло по пути, указанному Лениным, и получило землю только в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

В статье «К политическим деятелям» Толстой пытался обосновать предложенные им средства искоренения общественных зол путем того же самоусовершенствования и «непротивления злу насилием» и убедить политических деятелей, защищающих правительства эксплуататоров, в том, что их деятельность безнравственна, а борющихся против правительства – в том, что их борьба ни к чему не приведет, а лишь ухудшит положение трудящихся.

В век технического прогресса, писал Толстой, власть стала несокрушима, «Чингис-хан с телеграфом» еще более непобедим, чем прежний Чингис-хан. Если революция и победит, то новая власть якобы всё равно не обеспечит свободы людям, и вообще стремление людей к материальному благополучию недостойно человека и т. д. Поскольку средства и силы, поддерживающие правительства, благодаря техническому прогрессу изменились, то и средства искоренения зла должны быть новыми. Эти новые средства и предлагает Толстой – самоусовершенствование и «непротивление злу насилием».

Реакционность подобной проповеди Толстого, одинаково обращенной и к хозяину и к работнику, очевидна. От нее веет духом идеологии «восточного строя, азиатского строя».

«Отсюда, – писал Ленин, – и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «всё – ничто, всё материальное ничто»... и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д.».

[16]

Толстой понимал, что идущая долгие века борьба в человеческом обществе – это в основном борьба между властью и народом, а не между разными группами властителей, как ее пытались представить дворянские и буржуазные идеологи. Но Толстой не видел того, что это была классовая борьба между угнетенными и угнетателями, не видел экономической основы этой борьбы, а поэтому весь процесс общественного развития представлялся ему как чисто механическая смена «одной власти другою, и этой другой еще третьей и т. д.», пока, наконец, власть не сделалась «несокрушима».

Толстой просмотрел то, что вместе с новыми условиями (т. е. эпохой капитализма) возникла и совершенно новая сила – промышленный пролетариат, которому суждено стать могильщиком капитализма.

Ценность статьи «К политическим деятелям» заключается в той уничтожающей критике, с которой Толстой обрушился на буржуазные демократии. Великий художник отчетливо видел, что форма государства, существующая в так называемых демократических странах: Англии, Франции и «обетованной земле» капитализма – Америке, ничуть не лучше для народа, чем царское самодержавие, а своими тягчайшими формами угнетения трудящихся, утонченным лицемерием и маскировкой самой беззастенчивой эксплуатации колониальных народов зачастую еще хуже. Толстой указывает, что истинное лицо буржуазной демократии – в рабстве негров в Соединенных Штатах, в уничтожении независимости буров, в милитаризме Франции. В то время как буржуазные либералы на все лады прославляли западный парламентаризм, считая его образцом для России, «горячий протестант, страстный обличитель» Толстой бичевал буржуазную демократию за ее антинародную, эксплуататорскую сущность.

В третьей из публикуемых в настоящем томе статей – «Что такое религия и в чем сущность ее?» – Толстой излагает свое религиозное учение, а вместе с тем резко критикует официальную церковь за ее фальшь, лицемерие, эксплуататорский характер. Это – типично толстовская противоречивость. У Толстого, писал Ленин, «борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс».

[17] Толстой стремился дать «очищенную» религию, т. е. приведенную в соответствие с развивающимся знанием человека об окружающей его природе, свободную от всяких чудес, легенд и т. п., а также и от связей с государством, словом, такую религию, которая, по его словам, должна была не разъединять, а объединять всех людей.

Религия Толстого обладает основным, определяющим признаком всякой религии, т. е. в конечном итоге опирается не на знание, не на обобщенный человеческий опыт, не на науку, а на веру и, как всякая религия, закабалает человека.

Совершенно правильно подчеркивая, что церковь во все века защищала и поддерживала эксплуататоров и что всякая религия всегда приспособлялась к их нуждам, Толстой не замечал того, что и его «чистая» религия льет воду на ту же мельницу, так как ставит «на место попов по казенной должности попов по нравственному убеждению».

Критикуя в этой же статье буржуазную науку, Толстой справедливо указывает на то, что она оторвана от народа, служит интересам хозяев и потому многие ее завоевания способствуют еще большему закабалению трудящихся масс.

Совершенно неверно довольно распространенное представление о том, что Толстой вообще отрицал всякое значение положительных наук. Это решительно опровергается неослабевающим интересом, с которым Толстой следил за развитием математики, физики, химии, естествознания, о чем

он много писал в дневниках, записных книжках и письмах.

Основная ошибка Толстого в оценке науки заключалась в том, что он не верил в возможность науки правильно объяснить окружающий мир и поэтому обращался к вере, которая с необходимостью приводила его к проповеди религии.

Толстой справедливо бичевал буржуазную науку за продажность, за демагогию и фразу, за стихию и анархию, за беспредметность в научных исследованиях, а главное – за полную ее неспособность заняться главным и первейшим делом науки – разумным устройством жизни человеческого общества.

Но Толстой не знал, не хотел знать того непреложного факта, что революционная наука, выражающая интересы и стремления класса-освободителя всех трудящихся – пролетариата, уже есть, что учение о разумном устройстве общества – научный социализм Маркса и Энгельса – дает рабочему народу подлинное руководство в жизни.

III

Статья Толстого о Шекспире при своем первом появлении в печати в 1906 г. вызвала многочисленные отклики самого разноречивого характера. Большинство критиков, конечно, резко нападало на Толстого, стараясь доказать ему, что он «не понял», «не знал» Шекспира или даже «завидовал» его славе!

Известно, что Толстой на протяжении всей своей деятельности интересовался Шекспиром, и его мнение о шекспировских пьесах было за малым исключением всегда отрицательным.

Творчество Шекспира было порождено той эпохой, когда буржуазия только что выдвигалась на арену истории и выступала носительницей прогрессивного по тому времени способа производства. Передовые деятели эпохи Возрождения, олицетворявшие, по выражению Энгельса, «идеализированный рассудок буржуазной эпохи», выступали тогда под знаменем гуманизма, борьбы за свободного человека, против схоластики, мракобесия и феодального аскетизма. Правда, буржуазия не осуществила и десятой доли тех принципов, которые были выдвинуты ее передовыми идеологами. Требование свободы она обратила в свободу наживы, торговли, эксплуатации. Лозунги гуманизма, любви к ближнему она сделала лицемерным прикрытием для компромисса с феодальным дворянством за счет народных масс. Не случайно, что в произведениях писателей той эпохи, в том числе и в творчестве Шекспира, появляются мотивы облагораживания представителей дворянства, «добрых» рыцарей и королей.

Не вдаваясь в подробный анализ оценки Толстым творчества Шекспира, необходимо всё же остановиться на некоторых основных причинах

отрицательного отношения Толстого к великому английскому драматургу, наиболее резко и полно выраженного в статье «О Шекспире и о драме».

Толстой критикует Шекспира как представителя отрицаемой им буржуазной культуры, как одного из тех писателей, в творчестве которого ярко проявилось «выделение исключительного искусства высших классов от народного искусства». Он заявляет, что причиной славы Шекспира является массовый гипноз, переходящий из поколения в поколение и начавшийся в узкой группе западных писателей, которые в свое время превозносили его творчество.

В статье о Шекспире сказались взгляды Толстого на искусство, выраженные им в трактате «Что такое искусство?». Именно с точки зрения своей христианской морали Толстой подходит к оценке поступков действующих лиц «Короля Лира» и других драм Шекспира.

Антиисторизм оценки Толстым Шекспира сказывается в том, что он рассматривает шекспировские пьесы с точки зрения тех требований, которые могли быть предъявлены к писателю в конце XIX века, а не во времена Шекспира, который создавал свои произведения в эпоху зарождения реалистического искусства.

Требую от искусства естественности, простоты, общедоступности, Толстой критикует аллегории, пышные сравнения, гиперболы и прочие художественные приемы Шекспира. В глазах Толстого – это признаки стиля «исключительного искусства высших классов». Одной из причин отрицательного отношения Толстого к Шекспиру было, видимо, и то, что художественный метод самого Толстого резко отличался от художественного метода Шекспира: если в своем творчестве Толстой стремился создать типичный образ через изображение отдельного человека в разных стадиях и проявлениях его внутренней жизни, то Шекспир лепил свои фигуры из типичных качеств многих людей, часто создавая гиперболические образы.

Критика Толстым Шекспира в значительной мере субъективна и не повлияла на отношение к великому английскому драматургу русского зрителя.

Шекспир с его воспеванием свободы и достоинства человека уже давно не нужен современному буржуазному миру, который приближается к своей окончательной гибели и культура которого находится ныне в состоянии маразма и вырождения.

Шекспир на Западе, в том числе и на его родине, в Англии, время от времени используется в наше время для прикрытия прогнившего содержания капиталистической культуры. Только в Советском Союзе, в социалистическом государстве, законном наследнике всего лучшего, что дала история человеческой культуры, Шекспир нашел свое второе рождение.

Современный советский зритель относится с живым интересом к пьесам Шекспира и умеет выделять в них то, что созвучно нашей великой эпохе.

Произведения, входящие в 35 том, отражая общие черты позднего творчества Толстого, с несомненностью свидетельствуют о том, что, как бы резко ни звучали его противоречия, какими бы реакционными и утопичными ни были его «рецепты спасения человечества», – Толстой велик уже тем, что, «стремясь дойти до корня», на протяжении всей своей литературной деятельности непрестанно ставил самые острые вопросы общественной жизни во всей их широте и неутомимо искал на них ответа.

«Л. Толстой, – говорит Ленин, – сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

[18]

Н. Родионов.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с воспроизведением всех больших букв и особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов соблюдаются следующие правила.

Слова, не написанные явно по рассеянности, печатаются в прямых скобках.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к–рый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[ак] к[ак]» и т. п. лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?].

На месте неразобранных слов ставится: [1 неразобр.] или: [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

На месте слова, неудобного в печати, ставится его начальная буква и число точек, равное числу выпускаемых букв.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что признает редактор важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-накрест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, ** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте при номерах вариантов означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1903 г. между стр. IV и V.

Примечания

1

[«Идущие на смерть тебя приветствуют».]

2

См. мою статью о религии.

3

Т. 54, стр. 154.

4

Там же, стр. 155.

5

Там же, стр. 157.

6

Т. 74.

7

Т. 54, стр. 173.

8

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 183.

9

Всеволод Иванов, «Встречи с Максимом Горьким», изд. «Молодая гвардия», М. 1947, стр. 79.

10

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, М. 1932, стр. 211.

11

Т. 59, стр. 132–133.

12

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 15, стр. 183.

13

Там же, стр. 184.

14

Там же, т. 16, стр. 302.

15

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

16

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 31.

17

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 295.

18

В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 16, стр. 293.

